

Ким Виктория Валентиновна

ФАНАТИЗМ МЕЖДУ ВЕРОЙ И РАЗУМОМ

В статье исследуются вопросы о сущности фанатизма и его социальных и психологических характеристик, рассматривается феномен веры как потенциальное основание для развития фанатизма в обществе. Автор ставит проблемы возможности анализа фанатизма в сфере рационального как "деформации разума"; продуктивности изучения фанатизма как социального феномена и феномена сознания, исходя из первоначального теоретического разведения разума и веры, в итоге он представлен как синтез сознательных и бессознательных элементов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/1-2/23.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 100-104. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

METHODOLOGICAL APPROACHES TO CULTURAL GENESIS STUDY

Lyubov' Alekseevna Kalantaryan, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Department of Musical Education Theory and Technique
Stavropol' State Pedagogical Institute
mail@sspi.ru

The author reveals the content of the concept "cultural genesis", the basic cultural-genetic conceptions, the methodological tools for the study of cultural genesis, pays special attention to the comprehension and analysis of various conceptions of cultural genesis in domestic and foreign science, their similarities and differences, and emphasizes general scientific and concrete-scientific methods and approaches in the study of cultural genesis, highlighting the philosophical foundations of culture as a methodological basis for the study of cultural genesis.

Key words and phrases: concept of "cultural genesis"; conceptions of cultural genesis; philosophy of culture; philosophical foundations of culture; methodological tools for study of cultural genesis.

УДК 172.3

Философские науки

В статье исследуются вопросы о сущности фанатизма и его социальных и психологических характеристик, рассматривается феномен веры как потенциальное основание для развития фанатизма в обществе. Автором ставятся проблемы возможности анализа фанатизма в сфере рационального как «деформации разума»; продуктивности изучения фанатизма как социального феномена и феномена сознания, исходя из первоначального теоретического разведения разума и веры, в итоге он представлен как синтез сознательных и бессознательных элементов.

Ключевые слова и фразы: фанатизм; вера; разум; религия; фанатичное сознание; характеристики фанатизма; абсолютизация авторитета; идеология.

Виктория Валентиновна Ким, к. филос. н., доцент
Кафедра философии естественных факультетов
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
vkv-viktory@mail.ru

ФАНАТИЗМ МЕЖДУ ВЕРОЙ И РАЗУМОМ[®]

Современный мир полон противоречивых процессов: глобализация и антиглобализм, конфликты в разных сферах общественной жизни, научные открытия, культурные свершения и т.д. Многие из них анализируются сразу же, другие могут быть осмыслены позднее в силу неоднозначности свершившихся социальных событий. Среди них встречаются социальные конфликты, начавшиеся в глубокой древности и продолжающие волновать человечество в настоящее время. К ним относятся этнические и религиозные столкновения, в которых не последнюю роль играет фанатизм.

Интерес к исследованию фанатизма появляется в Новое время, когда мыслители стараются не только фиксировать его проявления и признаки, но и найти причины появления феномена в обществе. Традиционно фанатизм связывали с религией, деятельность многочисленных сект и ересей, конфессиональные конфликты (крестовые походы, расколы, церковные реформы) давали почву для проявления экстаза, истерии, исступления. Основой религии как духовного явления называют веру, именно поэтому веру считают основанием фанатизма. Однако фанатизм встречается не только в религиозной области, другие сферы жизни общества не застрахованы от фанатичных проявлений, т.к. фанатизм является социальным феноменом и к тому же берет свое начало в сфере человеческого сознания. А как феномен человеческого сознания фанатизм зависит не только от веры, но и от других социальных и психологических факторов. В связи с этим возникают вопросы: что же находится в основании фанатизма, насколько вера детерминирует фанатизм, какую роль играет разум в формировании фанатизма? Эти и другие вопросы будут исследованы в данной статье.

Ответ на вопрос о природе фанатизма находится в его определении. Этимологические и феноменологические исследования приводят к выводу, что фанатизм – это социальный феномен, основанный на особом существовании измененной веры в сознании человека, направленной на определенный объект, который становится центром личностных ориентаций субъекта [7, с. 7-41]. Таким образом, фанатизм рассматривается как состояние сознания (феномен психики) и как социальный феномен, в которых вера играет определяющую роль. Что же такое вера? Она определяется как фундаментальная основа человеческого бытия, особое состояние сознания, черта характера [15], чувство. Человек верит в то, что он воспринимает и ощущает как самое главное в своей жизни. Он может не давать себе отчет о наличии в душе веры, считать себя человеком

неверующим, но при этом в его сознании есть нечто, что определяет всю его жизнь, все его поступки. Это неосознаваемое основание человеческой деятельности можно назвать верой. Именно поэтому вера рассматривается и как экзистенциальная и онтологическая характеристика, и как мировоззренческая составляющая, в общем, вера – это одно из универсальных понятий, с которым сталкивается каждый человек. Среди характеристик этого явления называют: субъективную убежденность (уверенность) в чем-либо или в ком-либо, состояние предельной заинтересованности, психологическую установку, мировоззренческую позицию, целостный личностный акт (М. Бубер, К. Ясперс, И. А. Ильин и др.) [5; 16].

Вера как состояние сознания всегда направлена на объект (говорят о вере в себя, в близких, в будущее и т.д.), в ней выделяются две стороны: объективная и субъективная. К. Ясперс писал об этом феномене следующим образом: «...вера, которую я осуществляю, и вера, которую я в этом осуществлении усваиваю, *fides qua creditur* и *fides quae creditur* (психологическое состояние веры и то, во что верят, содержание веры)». Если человек разрывает данное единство и оставляет только субъективную сторону веры, то у него «остается вера только как верование, вера без предмета, которая как бы верит лишь в самое себя, вера без существенного содержания веры». Если же человек обращает внимание только на объективную сторону веры, то «остается содержание веры как предмет, как положение, догмат, состояние, как бы мертвое ничто» [16, с. 423].

Верить – значит находиться на стороне кого-то, быть уверенным в том, что он прав, значит разделять его взгляды. Вера неотрывна от таких явлений, как уверенность и доверие (мы верим тому, кому доверяем (это взаимно сосуществующие понятия)), преданность. Это – универсальное понятие, обозначающее абсолютное доверие, убежденность в чем- или ком-либо. Вера также рассматривается как гносеологический элемент, как антитеза знанию. Если человек задумывается о том, можно ли поверить во что-либо благодаря доказательствам и логическим процедурам, то он приближается к знанию. Выделяют также философскую и когнитивную веры. Многообразие феномена веры, его способность проникать во все сферы жизнедеятельности человека, его уникальность как фактора сознания говорит о том, что вера как особое состояние сознания наличествует у каждого человека. Исследование веры связано и с фанатизмом, многие авторы, анализирующие веру, описывают ее как основу последнего, и в связи с этим интересна позиция, которая пытается развести данные феномены (к примеру, исследование Р. К. Омельчука [9]).

Автор монографии «Онтология веры» Р. К. Омельчук разрабатывает теоретические аспекты бытия веры и в связи с этим обращается к анализу фанатизма, не имеющего, по мнению исследователя, основания в вере. Рассмотрим аргументацию автора. Он пишет, что природа веры, независимо от того, является ли вера религиозной или бытийной, не меняется и состоит в опоре на неизведанное и постепенно проявляемое только посредством ценностного отношения субъекта веры – самой личности [Там же, с. 226]. Веру он рассматривает как бытийственную характеристику, как стремление личности к собственной истинности и полноте. По его мнению, вера не имеет ничего общего с фанатизмом, поскольку вера, понимаемая онтологически, способствует становлению личности, а фанатизм приводит к ее разрушению и уничтожению. Вера, продолжает Омельчук, не стремится насильственно сделать человека зависимым от того, во что он верит, таким образом, вера рассматривается как некая надчеловеческая сущность, занимающаяся вопросами управления личности. Однако здесь наблюдается подмена тезиса, вера как основание бытия, как чувство является характеристикой сознания, человек подчиняет вере свое сознание и свою жизнь, а не вера делает его зависимым. Выбор здесь осуществляет не вера, а человек как разумное (то есть обладающее разумом) существо, его сознание, его мировоззрение и ценности могут сыграть в этом вопросе не последнюю роль.

Фанатизм есть неверие, рассуждает Омельчук, считая, что соединение первого с верой более привычно для обыденного сознания. Автор настаивает на позиции явно негативного восприятия фанатизма и его социальных механизмов, приносящего лишь разрушения, отрицающего культурное единение, соборность, общность, впрочем, его позицию поддерживают и многие другие авторы (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Г. В. Залевский и др.) [1-4]. В чем же тогда заключается суть культурного единения? Обратимся к современности: можно ли найти ответ на данный вопрос в политике мультикультурализма, глобализации, европоцентризма? С одной стороны, говорится о равенстве всех, об универсальных правах человека и гражданина, которые должны находиться в основе внешней и внутренней политики всех стран, с другой – подчеркивается, что есть те, кого нужно «учить», «дотянуть до нужного цивилизованного уровня», что приводит к закономерным следствиям в виде развития антиглобализма, фундаментализма, борьбы за права дискриминируемых меньшинств, терроризма (см. о политических противоречиях, выражаемых в религиозной форме, в статье Д. Л. Рыжкова [12]). Идеологи-теоретики радикалистских, экстремистских движений и организаций, которые эксплуатируют фанатизм для достижения разных социальных целей, рассматривают общность, соборность, культурное единение как «цементирующий» фактор, выполняющий важные функции защиты, безопасности и развития. Культурная схожесть единомышленников существует внутри общности, однако разнообразие мира приводит к космополитизму и релятивизму истины, к пониманию невозможности существования единой истины для всех. С одной стороны, есть единство внутри одной общности, с другой – это единение может выйти за свои логические пределы и стать претензией на «мировое единение»; вот здесь и кроется опасность возникновения фанатизма, которому трудно удержаться в рамках своего «мира», ему хочется, чтобы все остальные тоже приобщились к данной истине. Однако глобализация, мультикультурализм также могут быть восприняты как тенденция построения фанатичного общества, т.к. незыблемость норм и правил, их необходимость для всех выдают тягу к фанатизму, ведь фанатизм тотален, абсолютен. Еще одной характеристикой современного мира называют политкорректность, которая стала доминирующей идеей практически во всех областях социальности (от мира обыденного существования личности до вопросов

межгосударственного взаимодействия). Приверженность к абсолютному и повсеместному распространению политкорректности, готовность отстаивать ее, невзирая на истину (и здравый смысл), приводят к фанатическому поклонению новому «идолу», в которого верит цивилизованное общество [6]. Таким образом, и в культурном единении присутствует возможность для развития фанатизма.

Далее Р. К. Омельчук анализирует процедуру оценивания, которая может быть приписана вере. Действительно, феномен веры связан с ценностью, а не оцениванием, вера самоценна, сосредоточена на себе, в ее развертывании нет оценивания объекта, а есть только чувство. Логика рассуждений приводит автора к тому, что процесс соединения веры с оцениванием имеет рациональную природу и неизбежно приводит к фанатизму, отрицающему окружающую реальность как чужую и не имеющую реальной ценности. Таким образом, любое оценивание (а человек дает оценки всему, что попадает в поле его зрения, это обычный психологический процесс) может привести личность к фанатизму (ведь есть то, что нравится и поэтому входит в поле деятельности, и есть то, что не нравится, а посему отвергается, вплоть до испытывания фанатических чувств по отношению к ненавистному предмету). Автор приходит к противоречию: с одной стороны, указывает на рациональную природу оценивания, рассматривая ее только в рамках гносеологии (забывая об ее эмоциональной составляющей), с другой стороны, он рационализирует фанатизм. Однако фанатизм не может рассматриваться только в рамках рациональности, он имеет сложную структуру. Если фанатизм относится к сфере *рацио*, то тогда ставится вопрос рационального выбора самим человеком: быть ему фанатиком или нет. Но это невозможно, человек не анализирует стадии своего фанатичного движения («созревания»): на этой стадии – я не фанатик, а на следующей – стану им. Фанатизм в данном случае внерационален, т.к. при его наличии в сознании субъект не отдает себе отчета в том, что он является носителем измененного сознания, что он – фанатик. Омельчук же предлагает считать фанатизм деформацией разума [9, с. 230-231], поскольку логика фанатика иррациональна, структура ценностей деформирована, а главной характеристикой фанатизма является ненависть (опять же противоречие – отнесение к сфере *рацио* чувства ненависти).

Фанатизм – рациональный феномен, поскольку связан с абсолютизацией авторитета, сугубо рациональной операцией, по мысли Омельчука. Он пишет, что в исследованиях абсолютизация авторитета зачастую искусственно связывается с верой [Там же, с. 232], что «понятие абсолютизации близко понятию идеализации; смысл последнего сводится к наделению качествами идеального неидеальных объектов. Несомненно, идеализация чужда вере, поскольку вера, по определению, предполагает изначальную направленность на идеальное, иррациональное, духовное. Следовательно, идеализация является одной из функциональных характеристик разума, имеющего дело с реальными объектами и нуждающегося в их теоретизации, абстрагировании. Таким образом, абсолютизация авторитета функционально осуществляется на уровне разума, вера же возникает только после того, как разум идентифицировал авторитет в качестве идеального и безусловного» [Там же, с. 233]. Как видно из приведенной цитаты, автор не дает определения абсолютизации, объясняя термин с помощью другого понятия, подходящего по смыслу, тем самым искажается понимание анализируемого феномена, абсолютизации приписываются характеристики другой мыслительной операции. В основе абсолютизации авторитета находится слепая вера в авторитет, которая является экстремальным способом существования и становления личности, поскольку слепота веры подразумевает отсутствие каких бы то ни было разумных оснований [Там же, с. 233-234]. Абсолютизация авторитета – это заблуждение, которое Ф. Бэкон назвал «идолом театра», при этом любые заблуждения («идолы») противоречат требованиям критического мышления. К тому же абсолютизация авторитета во многом основана на работе бессознательных механизмов психики, поскольку авторитет как одна из форм осуществления власти невозможен без доверия, часто нерационального, к объекту авторитета. Социальная психология активно изучала данный феномен, придя к выводу, что именно бессознательное доверие к авторитету способствует появлению таких феноменов, как конформизм, подчинение авторитету и власти, появление авторитарной личности. Так, Л. Свендсен в «Философии страха» размышлял о безрассудном или глупом доверии [13, с. 180] на примере полного отсутствия критического отношения членов секты к ее главе (это форма доверия, при которой риском пренебрегают вопреки здравому смыслу). Конечно, иногда человек абсолютизирует авторитет, основываясь на анализе того, что именно вызывает доверие (объект авторитетен потому, что обладает более высоким уровнем знаний и умений); но чаще всего человек наделяет другого авторитетом на основе доверия к занимаемому положению (статусу) или внешнему виду (белый халат врача, обмундирование полицейского, пожарного и т.д.).

Слепая вера у Омельчука фанатична и при этом безобидна, не несет разрушающих социальных последствий. А фанатичная вера, пишет он вслед за С. Л. Франком [14], есть демоническое могущество, роковое заблуждение и бессознательная слепота, но поскольку носители фанатичной веры являются высокоинтеллектуальными личностями, то, значит, фанатизм имеет рациональную природу. Однако данный вывод несколько поспешен, наличие высоких интеллектуальных показателей у личности не гарантирует защиты от фанатизма, и так называемые ученые-фанатики являются тому подтверждением (фанатизм у них как раз нерационален, поскольку интеллектуальные характеристики сочетаются с фанатичным сознанием и фанатичной верой в субъективную истину).

На основании всех рассуждений автор приходит к выводу, что источником фанатизма является «не вера, а гипертрофированный разум, не соответствующий экзистенциальным ценностям личности. <...> Фанатизм связан с верой на уровне стремления к неким ожидаемым ценностям, однако фанатизм не является верой, поскольку не способствует, а, напротив, препятствует естественному становлению личности» [9, с. 236]. Итак, фанатизм есть деформация разума, но насколько это соответствует действительности? Следует ответить на вопрос: что же такое разум и насколько можно использовать категорию разума при анализе фанатизма?

Разум представляет собой философскую категорию, выражающую высший тип мыслительной деятельности, противопоставляемый рассудку, способность совершать мыслительные операции. Фанатизм же представляет собой крайнюю приверженность взглядам, здесь видны два аспекта: разумный и чувственный (иначе говоря – сознательный и бессознательный). Разумный заключается в том, что фанатизм концентрируется на теориях, идеях, идеологии – это сфера разума, но крайняя приверженность относится к сфере чувств. Человек подчиняется чаще всего добровольно идеям, которые «захватили» его, подчинили себе его сознание, но кроме рациональной «привязки» здесь «вырастает» комплекс чувств (веры, доверия, преданности, уверенности), именно их фанатик испытывает по отношению к ведущей идее. И здесь возникает вопрос: если разум играет в фанатизме какую-то роль, то какую именно?

Вспомним примеры известных фанатиков, из-за которых происходили изменения в истории: Франсуа Равальяк – убил Генриха IV Наваррского (основателя династии Бурбонов), короля Франции, в 1610 г.; Жанна д'Арк – национальная героиня Франции, погибшая в 1431 г. на аутодафе; Жак Клемент – убил Генриха III Валуа в 1589 г., французские католики, устроившие резню в Варфоломеевскую ночь в 1572 г. и убившие более 9 тысяч человек; Великий инквизитор Испании XV в. Томас Торквемада; основатель ордена иезуитов Игнатий Лойола (1540 г.) и многие другие. Фанатики, которых обычно вспоминают люди, представляют собой, с одной стороны, личности, обладающие разными характеристиками, с другой стороны, у них можно увидеть и то, что их объединяет. Как говорил Г. Лебон, люди, творящие историю, должны быть фанатиками: «...фанатики с ограниченным умом, но с энергичным характером и с сильными страстями одни только могут основывать религии, империи и поднимать массы. По призыву какого-то Петра Пустынника миллионы людей устремились на Восток; слава человека, страдавшего галлюцинациями, как Магомет, создала силу, необходимую для того, чтобы восторжествовать над старым греко-римским миром; какой-то неизвестный монах Лютер предал Европу огню и крови. <...> Фанатики и страдающие галлюцинациями творят историю» [8, с. 126-129]. Это люди, обладающие фанатичной уверенностью в своих представлениях, заражающие своим энтузиазмом и харизмой массы (это не относится к фанатикам-одиночкам) и в результате меняющие ход исторического процесса.

Бенедикт XVI (Й. Ратцингер) называет патологию разума и патологии религии фанатизмом. Он пишет, что в истории человечества, частью которой является и история религий, было достаточно примеров, когда человек исходил из извращенной веры в превосходство личной идеи и поклонялся своей воле. С точки зрения понтифика, фанатизм – это феномен, который может возникнуть как в сфере разума, так и в сфере чувств (к которой относится и религиозная вера, являющаяся центром любой религии). По его мнению, кардинальной ошибкой человечества стало разделение разума и веры, благодаря доминированию общественного стремления к прогрессу, на две самостоятельные области (разум стали относить к науке и технике, а веру – только к сфере иррационального, к сфере чувств и, в первую очередь, к сфере религии). Он считает, что человечество должно преодолеть эту ошибку, которая привела к «гипертрофии в области технико-прагматического знания» и к «оскудению фундаментального, сущностного знания» [10, с. 212]. Помочь решить вопрос, связанный с данными патологиями, может только разумная вера, не позволяющая человеку абсолютизировать свои идеи, чувства или свою личность.

Таким образом, Омельчук совершает ту же ошибку, о которой писал Бенедикт XVI, он пытается выстроить логику своих рассуждений, исходя из противопоставления разума и веры и желания поместить фанатизм в одну из этих сфер. Однако бытийственность веры (основная посылка автора) вовсе не исключает ее отношение к разуму, вера может рассматриваться как гносеологическая характеристика (об этом было множество исследований). Тогда вера как онтологическая характеристика может наблюдаться у любого человека, развертываться и в сфере познания, и в сфере деятельности, и в сфере чувств. Противопоставление разума и веры при анализе фанатизма именно в таком ключе непродуктивно, поскольку явная отсылка в область рациональности приводит к «искажению» природы данного феномена.

Фанатизм есть извращенное состояние психики человека, представляющее собой некий «сплав» сознательных и бессознательных элементов, составляющих его сущность. К ним относятся абсолютная вера, догматизм, отсутствие сомнений и критического мышления, своеобразная логика рефлексии (готовая рассматривать только те идеи, которые «укладываются» в фанатичные представления), бескомпромиссность, нетерпимость. В этом далеко не полном перечне присутствуют как рациональные, так и нерациональные характеристики, поэтому попытка четко отнести фанатизм к разуму или вере обречена на провал. Таким образом, фанатизм может быть представлен как социальный феномен и феномен сознания, в котором вера в идею (идеологию) является основанием для развития мировоззрения и формирует характеристики фанатичного сознания личности. Фанатизм – это своеобразное «балансирование» сознания между разумом и верой, «впадение» в крайности в чувствах, мыслях, поступках, это превышение чувства меры, которое может возникнуть в любой сфере деятельности.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. О фанатизме, ортодоксии и истине [Электронный ресурс]. URL: www.vehi.net/berdyayev/fanatizm.html (дата обращения: 27.10.2012).
2. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество (из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/vehi/bulgakov.html> (дата обращения: 27.10.2012).
3. Залевский Г. В. Фанатизм как проблема духовного здоровья личности и общества. Сообщение 1. Психоисторическая характеристика // Сибирский психологический журнал. 2007. № 26. С. 66-69.
4. Залевский Г. В. Фанатизм как проблема духовного здоровья личности и общества. Сообщение 2. Индивидуально-личностные диспозиции фанатизма // Сибирский психологический журнал. 2008. № 28. С. 49-52.

5. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М.: АСТ, 2007. 592 с.
6. Ионин Л. Политкорректность: дивный новый мир. М., 2012. 112 с.
7. Ким В. В. Фанатизм: в поисках оснований. Комсомольск-на-Амуре, 2009. 132 с.
8. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995.
9. Омельчук Р. К. Онтология веры. М.: РОССПЭН, 2011. 280 с.
10. Ратцингер Й. (Бенедикт XVI) Вера – Истина – Толерантность: христианство и мировые религии / пер. с нем. М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. 367 с.
11. Ратцингер Й. (Бенедикт XVI) Ценности в эпоху перемен: о соответствии вызовам времени / пер. с нем. М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. 163 с.
12. Рыжков Д. Л. Превращенные формы транснациональных социальных антагонизмов // Вестник Орловского государственного университета. 2012. № 1 (21). С. 252-255.
13. Сведенсен Л. Философия страха. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 288 с.
14. Франк С. Л. Этика нигилизма // Франк С. Л. Сочинения. М., 1990. С. 77-110.
15. Фромм Э. Вера как черта характера [Электронный ресурс]. URL: <http://humanus.site3k.net/div/psiho/fromm/forhimself/4.html#с4> (дата обращения: 29.10.2012).
16. Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 420-509.

FANATICISM BETWEEN FAITH AND MIND

Viktoriya Valentinovna Kim, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy of Natural Science Faculties
Moscow State University named after M. V. Lomonosov
vkv-victory@mail.ru

The author researches the essence of fanaticism and its social and psychological characteristics, considers the phenomenon of faith as a potential basis for fanaticism development in society, raises the problems of the possibility of analyzing fanaticism in the sphere of rational as "mind deformation"; the productivity of fanaticism study as a social phenomenon and the phenomenon of consciousness, based on the original theoretical separation between mind and faith, and in the end presents it as a synthesis of conscious and unconscious elements.

Key words and phrases: fanaticism; faith; mind; religion; fanatical mind; characteristics of fanaticism; absolutization of authority; ideology.

УДК 340

Юридические науки

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования общественных отношений, возникающих в сфере размещения заказов на поставки товаров, выполнения работ, оказания услуг для государственных (муниципальных) нужд в Российской Федерации и странах ближнего зарубежья. Анализируются тенденции совершенствования законодательства в данной сфере, в том числе в части правового регулирования информационного обеспечения закупок. Автор выделяет основные проблемы правового регулирования информатизации закупок.

Ключевые слова и фразы: государственные закупки; Соглашение о государственных закупках; информационное обеспечение; электронный аукцион.

Ирина Бекеновна Кольшева

Кафедра частного права

Российский государственный гуманитарный университет

i.kolysheva@ya.ru

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК: РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ[©]

Одним из наиболее привлекательных рынков для малого и среднего бизнеса является рынок государственных закупок, характеризующийся стабильными и долгосрочными контрактными договорами, заключаемыми с государством. Кроме того, рынок государственных закупок характеризуется прозрачностью и равенством условий для всех участников конкурентной борьбы, стремящихся получить государственный заказ на открытой состязательной основе.

Однако в рамках единого таможенного пространства и Европейского Союза, договор о создании которого подписан странами СНГ, законодательство о государственных закупках может выступать преградой для участника-нерезидента. В частности, это юридические лица, организации, созданные в соответствии с законодательством иностранного государства и имеющие местонахождение на территории иностранного государства.